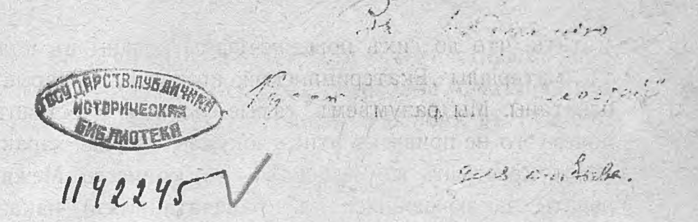
П. Г. Архангельскій

ВЫБОРЫ
въ
ЕКАТЕРИНИНСКУЮ КОМИССІЮ
ОТЪ КРЕСТЬЯНЪ
ДВИНСКАГО СѢВЕРА

Отд. отт. изъ XX т. „Историческаго Обозрѣнія“, изд. Истор. Обществомъ при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ.

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1915

Выборы въ Екатерининскую комиссію отъ крестьянъ Двинскаго сѣвера.

(По погостнымъ наказамъ).

П. Г. Архангельскаго.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ русской исторіи XVIII вѣка—выборы въ Екатерининскую комиссію 1767 г.—мало изученъ.

Работы, спеціально посвященной этому предмету и возстанавливающей полную картину выборовъ 1767 г., мы не знаемъ. Кромѣ извѣстной статьи г. Липинскаго, появившейся еще въ 80-хъ годахъ, въ послѣднее время напечатана только статья г. Кудряшова [1]). Правда, во многихъ сочиненіяхъ о Екатерининской комиссіи вопросъ о выборахъ депутатовъ такъ или иначе затрогивается, но затрогивается лишь попутно и отрывочно; къ тому же до сихъ поръ болѣе посчастливилось изученію выборовъ отъ дворянъ и горожанъ, тогда какъ выборы отъ свободныхъ сельскихъ обывателей остались въ тѣни даже у авторовъ, спеціально занимавшихся изученіемъ вопроса. Такъ, г. Кудряшовъ ссылается на недостатокъ данныхъ, характеризующихъ отношеніе крестьянъ къ выборамъ. Однако, матеріалъ, способный пролить свѣтъ на производство выборовъ отъ крестьянъ въ 1767 г., имѣется, но онъ еще покоится въ архивѣ, ожидая своего изслѣдователя. Безъ привлеченія же архивныхъ данныхъ [2]) возстановить подлинную картину крестьянскихъ выборовъ во всей ея полнотѣ, конечно, нечего и думать. Но нельзя не за-

---

[1]) Вѣстн. Европы, 1909, кн. XI—XII. Литература о Екатерининской комиссіи указана въ работѣ г. Флоровскаго, посвященной этому учрежденію (Одесса, 1910 г.).

[2]) Бумаги Екатерининской комиссіи въ архивѣ Госуд. Совѣта; дѣлопроизводство провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій и пр.

мѣтить, что до сихъ поръ не использованы въ полной мѣрѣ даже тѣ матеріалы Екатерининской комиссіи, которые уже давно напечатаны. Мы разумѣемъ самые *наказы* крестьянъ; г. Кудряшовъ почему-то не привлекъ этихъ документовъ для характеристики отношенія крестьянъ къ выборамъ въ комиссію. Между тѣмъ игнорировать заключающійся въ (напечатанныхъ) наказахъ матеріалъ едва ли основательно, такъ какъ внимательное изученіе его проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на выборы въ Екатерининскую комиссію отъ сельскихъ обывателей. Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ только г. Бочкаревъ [1]) попытался использовать текстъ наказовъ для характеристики сельскихъ выборовъ въ комиссію 1767 г.

Въ виду всего этого мы и осмѣливаемся предложить вниманію читателей нашъ опытъ въ данномъ направленіи. Съ своей стороны мы стремились извлечь изъ крестьянскихъ наказовъ все, что давало хотя бы малѣйшее указаніе на ходъ выборовъ въ сельскихъ мѣстностяхъ искони черносошнаго Двинскаго сѣвера [2]) и на отношеніе крестьянъ къ задуманному имп. Екатериной II предпріятію.

Причины, побудившія насъ ограничить поле вниманія указанной сѣверной областью, таковы: 1) Двинскій сѣверъ [3])—единственная область Екатерининской Россіи, гдѣ выборы отъ крестьянъ въ комиссію должны были происходить среди населенія съ еще неугасшей земской традиціей; 2) это единственная область, гдѣ сохранилось административное дѣленіе на погосты, къ которымъ былъ приспособленъ «Обрядъ выборовъ»; 3) выборы въ комиссію здѣсь захватывали всю массу сельскаго населенія, чего не было въ другихъ областяхъ, гдѣ казенные крестьяне жили среди владѣльческихъ или среди инородцевъ; 4) Двинскій сѣверъ изъ всѣхъ мѣстностей, населенныхъ свободными сельскими обывателями, одинъ представлялъ обширную область, занятую великорусскими крестьянами съ небольшой примѣсью инородцевъ; 5) наконецъ, наказы Архангелогородской губерніи по своему количеству (свыше 200) дѣлаютъ удобнымъ наблюденіе массоваго характера, и тѣмъ до нѣкоторой степени сглаживаютъ неизбѣжную односторонность выводовъ, получаемыхъ при изученіи одного только рода источниковъ. Такимъ образомъ, и по состоянію нашихъ матеріаловъ, и по объективнымъ

---

[1]) Статья „Земельныя нужды деревни по крестьянскимъ наказамъ". Сборн. статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909.

[2]) Впрочемъ, мы ограничились наказами, напечатанными въ CXXIII т. Сборн. Имп. Русск. Ист. О-ва.

[3]) Подъ Двинскимъ сѣверомъ мы разумѣемъ тогдашнюю Архангелогородскую губернію, хотя и сознаемъ условность и неточность такого отождествленія.

условіямъ (этнографическимъ, социальнымъ и историческимъ) Двинскій сѣверъ представляется намъ средою, наиболѣе благопріятною для наблюденій надъ ходомъ крестьянскихъ выборовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г.

I.

Та масса погостныхъ, волостныхъ, деревенныхъ и т. п. наказовъ, которая служитъ намъ источникомъ, характеризуетъ лишь первую стадію выборовъ крестьянскихъ депутатовъ; но эта первая стадія—избраніе погостныхъ повѣренныхъ и снабженіе ихъ наказами—была и единственнымъ актомъ «выборной кампаніи», въ которомъ участвовала масса, народъ. Двѣ другія стадіи выборовъ—избраніе уѣздныхъ повѣренныхъ погостными и провинціальнаго депутата уѣздными повѣренными—протекали уже внѣ непосредственнаго воздѣйствія сельскаго населенія; сверхъ того, онѣ были обставлены и бо̀льшей регламентаціей и бо̀льшимъ контролемъ мѣстныхъ властей. Вслѣдствіе всего этого для историка наибольшій интересъ представляетъ, естественно, первая стадія, которой мы и займемся.

«Обрядъ выборовъ», являвшійся одновременно и избирательнымъ закономъ, и инструкціей властямъ, возлагалъ на мѣстную администрацію, особенно на губернаторовъ, руководство выборами и наблюденіе за нормальнымъ ихъ теченіемъ.

Извѣстно [1]), что Архангелогородскій губернаторъ г.-м. Е. А. Головцынъ лично руководилъ выборами крестьянскаго повѣреннаго отъ Двинскаго уѣзда, а также и депутата отъ Архангельской провинціи; руководство тѣми же стадіями выборовъ въ другихъ уѣздахъ и провинціяхъ было имъ возложено на воеводъ, ихъ товарищей и замѣстителей. Однако, не удалось выяснить, кому именно было поручено руководство выборами въ погостахъ. Наказы объ этомъ молчатъ. Изъ нихъ узнаёмъ только, что манифестъ и «обрядъ выборовъ» черезъ провинціальныя и уѣздныя воеводскія канцеляріи разсылался по погостамъ съ солдатами—«разсыльщиками», при чемъ послѣдніе получали какую-то инструкцію относительно выборовъ [2]). Въ чемъ заключалась эта «инструкція», какую роль играли эти канцелярскіе солдаты въ погостныхъ выборахъ — неиз-

---

[1]) С.-Петербургск. Вѣд., 1767 г. № 59.

[2]) Такъ, въ Воскресенскомъ приходѣ наказъ составленъ „въ силу данной изъ Важской воеводской канцеляріи солдату Максиму Грибову инструкціи". Сборн. Имп. Р. Ист. О-ва, т. CXXIII, стр. 66. Дальше обозначаются *только* страницы.

вѣстно. Едва ли все-таки можно допустить, что этимъ инвалидамъ поручалось мѣстной администраціей руководство выборами и надзоръ за ними. Въ дворцовыхъ волостяхъ естественными представителями власти на выборахъ являлись, вѣроятно, управители. Относительно черносошныхъ волостей вопросъ остается открытымъ.

Опредѣленнаго дня для производства выборовъ въ погостахъ, кажется, не назначалось, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы видѣли бы болѣе или менѣе однообразную датировку наказовъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ даже и слѣда. Уѣздные выборы были назначены въ Двинскомъ уѣздѣ (а по всей вѣроятности и въ другихъ) 20 февраля [1], къ какому сроку и должна была совершенно закончиться первая стадія выборовъ. Въ дѣйствительности къ этому сроку многіе наказы не были готовы и составлены послѣ, а иные—въ самый день уѣздныхъ выборовъ. Такъ, въ Двинскомъ уѣздѣ изъ 13 извѣстныхъ намъ печатныхъ наказовъ только одинъ составленъ до 20 февраля, 5—въ этотъ самый день, остальные—позже, по возвращеніи погостныхъ повѣренныхъ съ уѣздныхъ выборовъ домой. Тоже самое было въ Кольскомъ уѣздѣ, нѣчто подобное—въ Важскомъ и др. Не останавливаясь пока на причинахъ этого явленія, отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что составленіе наказовъ не всегда слѣдовало непосредственно за выборами повѣренныхъ и затянулось гораздо дольше уѣздныхъ выборовъ.

Итакъ, къ опредѣленному сроку погосты должны были избрать повѣренныхъ и, снабдивъ ихъ наказами, прислать въ городъ для выбора уѣзднаго повѣреннаго. Получивъ отъ «разсыльщика»-солдата манифестъ и указъ, представитель мелкаго земскаго міра—сотскій, пятидесятскій, десятскій, староста, смотря по мѣстности—созывалъ въ земскую избу сходъ—«для слушанія онаго указу». «Вычтя» міру манифестъ и указъ, сотскій спрашивалъ, желаютъ ли мірскіе люди выбирать повѣреннаго отъ погоста. Что вопросъ этотъ дѣйствительно ставился передъ сѣвернымъ міромъ, на это есть прямыя указанія въ нашемъ матеріалѣ. Выборъ погостнаго повѣреннаго не былъ обязателенъ для крестьянъ; но въ представленіи крестьянской массы и въ глазахъ усердныхъ агентовъ мѣстной власти право выбора легко могло превратиться въ повинность, и отдѣльные случаи такого превращенія приходится допускать a priori.

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1767 г. № 59. Кромѣ того въ двухъ наказахъ Сухонской трети читаемъ: „вамъ, повѣренному, сіе письменное извѣстіе при своихъ выборахъ (представить?) въ Великоустюжской провинціальной канцеляріи сего февраля къ 21 числѵ“. Стр. 179—180. Однако, извѣстно, что въ Кевролъскомъ уѣздѣ выборы происходили 12 марта. Сборникъ CXXIII, стр. 27.

Однако, наказы свидѣтельствуютъ, что участіе въ выборахъ не было повсемѣстно превращено въ повинность. Во многихъ мѣстахъ крестьяне сумѣли разглядѣть факультативность участія въ выборахъ, и нѣкоторые міры даже документально засвидѣтельствовали, что они отказываются отъ выбора особаго повѣреннаго [1]) только по своему малолюдству. Отказъ этотъ самъ по себѣ нисколько не означаетъ равнодушія сельскихъ жителей къ предпринятому императрицей дѣлу; это, между прочимъ, видно изъ того, что многія мелкія земскія единицы, отказываясь отъ посылки своего особаго повѣреннаго, не преминули изложить свои нужды въ особомъ наказѣ, который и вручали, смотря по обстоятельствамъ, сосѣднему повѣренному или просто своимъ же выборнымъ для передачи провинціальному депутату. Такихъ «наказовъ безъ повѣреннаго» насчитывается больше двухъ десятковъ. Отсюда ясно, что изъ двухъ предоставленныхъ имъ правъ—права участія въ выборахъ и права довести до свѣдѣнія высшей власти о нуждахъ и отягощеніяхъ—сѣверные крестьяне больше использовали и выше оцѣнили послѣднее. Обиліе же наказовъ, дошедшихъ до насъ, свидѣтельствуетъ, что степень активности Двинскаго крестьянства въ 1767 г. была достаточно высока.

Слѣдовательно, чаще всего на поставленный міру вопросъ объ участіи въ выборахъ, сходъ давалъ утвердительный отвѣтъ. Приступали къ выборамъ. Кто же участвовалъ въ нихъ и изъ кого избирались погостные повѣренные?

Выбирать крестьянамъ предписывалось «по ихъ обыкновеніямъ»; однако «Обрядомъ выборовъ» опредѣлялось и активное, и пассивное избирательное право. Участіе въ выборахъ погостнаго повѣреннаго предоставлено было «всякому, дѣйствительно домъ и землю въ томъ погостѣ имѣющему», т.-е. дворохозяевамъ-землевладѣльцамъ. Ограниченіе это не вносило по существу ничего новаго въ «обыкновенія» сѣверныхъ крестьянъ, у которыхъ изстари въ мірскихъ выборахъ участвовали именно эти элементы. На волостныхъ сходахъ XVII вѣка незамѣтно ни бобылей (непашенныхъ), ни половниковъ [2]). Не давалось имъ избирательнаго права и «Обрядомъ выборовъ». Наказы подтверждаютъ, что эти требованія обычая и закона соблюдались въ 1767 г.

Почти во всѣхъ наказахъ мы находимъ выраженія, указывающія болѣе или менѣе опредѣленно на составъ избирательнаго схода [3]). Несмотря на стереотипность большинства этихъ выра-

---

[1]) Стр. 51, 169, 182.

[2]) Богословскій. Земское самоуправленіе, т. I, стр. 218—219.

[3]) Наши матеріалы сливаютъ избраніе повѣреннаго съ составленіемъ наказа, хотя въ дѣйствительности эти моменты не всегда слѣдовали непосред-

женій, они подсказаны крестьянамъ не сверху, не «образцомъ погостнаго письма», а старинной земской практикой, которая помогаетъ намъ уразумѣть и самый смыслъ этихъ обычныхъ, застывшихъ формулъ мірскихъ приговоровъ, помогаетъ опредѣлить ихъ реальное содержаніе.

Всѣ эти «формулы міра» можно раздѣлить на три категоріи, при чемъ формулы второй категоріи рѣшительно преобладаютъ въ наказахъ. Къ первой принадлежатъ краткія выраженія, обозначающія міръ, какъ совокупность однихъ крестьянъ: «мірскіе люди», «крестьяне всѣ», «нижеподписавшіеся крестьяне», «крестьяне всѣмъ общежительствомъ». Въ распространенномъ видѣ эта формула звучитъ такъ: «Выбранъ нами, Кеврольскаго уѣзда Малопѣнежскаго погоста государственными черносошными крестьянами, *всѣмъ общежительствомъ*, того погоста крестьянинъ В. Я. Варгановъ повѣреннымъ» [1]... Ко второй категоріи отнесемъ формулы, опредѣляющія міръ, какъ совокупность двухъ элементовъ: 1) выборныхъ должностныхъ лицъ и 2) крестьянъ. Такія формулы встрѣчаемъ въ большей половинѣ (56%) наказовъ. Первый элементъ міра—это обычно «сотскій съ товарищами»; рѣже вмѣсто сотскаго упоминается пятидесятскій или десятскій, совсѣмъ рѣдко—староста; на ряду съ ними изрѣдка встрѣчаемъ и др. должностныхъ лицъ—цѣловальника, пищика, сборщика. Вотъ образецъ такой формулы: «Тотемскаго уѣзда Илеской волости сотскій Вл. Худяковъ и десятскіе и мірскіе люди и деревни Н. Пичечинъ десятскій М. Ивановъ (и) нижеподписавшіеся рукъ имяны крестьяне» [2]. Къ третьей категоріи слѣдуетъ отнести выраженіе одного изъ наказовъ [3]), въ которомъ къ двумъ указаннымъ элементамъ міра и на ряду съ ними присоединяется еще третій—церковный причтъ.

Естественно, насъ интересуетъ преимущественно второй элементъ, міръ въ собственномъ смыслѣ, избиратели. Для того, чтобы раскрыть это понятіе, надо обратиться къ немногимъ сравнительно наказамъ, въ которыхъ составъ схода выступаетъ конкретнѣе. Здѣсь, съ одной стороны, встрѣчаемъ указаніе на то, что въ избраніи повѣреннаго принимали участіе «всѣ мірскіе люди», всѣ крестьяне того погоста (прихода, волости); съ другой же—ограничительныя выраженія: «всѣ лучшіе люди», т. е. лучшіе экономически: зажиточные и

ственно одинъ за другимъ. Мы по необходимости исходимъ изъ предположенія, что кругъ лицъ, отъ которыхъ исходитъ наказъ, тожественъ съ составомъ избирательнаго схода.

[1]) Стр. 28.

[2]) Стр. 288.

[3]) Стр. 159.

исправные въ податномъ отношенiи домохозяева [1]). Въ одномъ наказѣ на ряду съ должностными лицами перечислено поименно нѣсколько крестьянъ «съ товарищами» [2]). Послѣднiй случай ясенъ: здѣсь воскресла старинная формула мiрскихъ приговоровъ, такъ наз. «выборовъ» [3]). Но какъ согласить противорѣчивыя указанiя другихъ наказовъ? Не одни ли лучшiе люди выбирали повѣренныхъ и давали имъ наказы? Не слѣдуетъ ли выраженiе «всѣ крестьяне» понимать: «всѣ лучшiе крестьяне»? Вѣдь говорятъ же лучшiе крестьяне Алексинскаго стана, что повѣренный выбранъ ими „со общаго мiрского согласiя и совѣта».

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ отчасти самое содержанiе наказовъ. Такъ, изъ четырехъ наказовъ, которые яко-бы исходятъ только отъ однихъ лучшихъ крестьянъ, три по своему содержанiю нисколько не обнаруживаютъ соцiальныхъ симпатiй «прожиточныхъ» людей, а четвертый (Мольской волости Тотемскаго у.) является даже въ нѣкоторыхъ пунктахъ наиболѣе яркимъ выразителемъ точки зрѣнiя «малоимущественныхъ» въ самомъ спорномъ на черносошномъ сѣверѣ вопросѣ Екатерининской эпохи, въ вопросѣ о передѣлахъ земли. Что же касается остальныхъ наказовъ, формально исходящихъ отъ всего мiра, то нѣкоторые изъ нихъ своимъ содержанiемъ обличаютъ участiе въ ихъ составленiи и тѣхъ «тунеядцевъ», которые, по выраженiю «прожиточныхъ» крестьянъ Химаневской волости [4]), «участки свои размотали и запустошили и пришли въ скудость», почему и «просятъ, чтобы имъ тѣ распашныя и унавоженныя земли раздѣлить по душамъ». Точка зрѣнiя этихъ «мотовъ» и «лѣнивцевъ» нашла въ нѣкоторыхъ наказахъ свое выраженiе или отраженiе, что свидѣтельствуетъ ясно объ ихъ участiи въ выборахъ. Въ двухъ наказахъ Яренскаго уѣзда находимъ даже прямое указанiе, что «состоятельныхъ крестьянъ въ здѣшней трети въ пожиткахъ не имѣется» [5]). Кромѣ того есть наказы, гдѣ обычная краткая формула получаетъ совершенно опредѣленный, несомнѣнный смыслъ. Такъ, наказъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Верховажской четверти гласитъ: «мы... нижеподписавшiеся... выборные люди и крестьяне... на мiрской валовой сходкѣ со всего общаго согласiя выбрали той же вотчины изъ крестьянъ Г. Ѳ. Баева»... То же самое выраженiе встрѣчаемъ въ наказѣ Вельскаго погоста. Избиратели Пустынской вол. «при собранiи всѣхъ крестьянъ

[1]) Стр. 120, 125, 215, 309.
[2]) Стр. 161.
[3]) См. у Богословскаго. Op. cit., I, 201 прим.
[4]) Стр. 63—64.
[5]) Стр. 262, 264.

при земской избѣ и (съ) народскаго согласія выбрали повѣреннаго» [1]... Особенно важно для насъ упоминаніе о «валовыхъ сходахъ», такъ какъ на нихъ присутствовали всѣ домохозяева-землевладѣльцы. Извѣстно, что для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ требовался созывъ именно валовыхъ сходовъ. Очевидно, избирательные сходы и были валовыми сходами нормальнаго состава. Это, конечно, не исключало возможности подчиненія такого схода вліянію «міроѣдовъ», отличавшихся своей прожиточностью, чѣмъ и объясняется позиція значительнаго количества наказовъ въ спорномъ вопросѣ о формѣ землевладѣнія.

Трудно сказать, участвовали ли въ выборахъ погостнаго повѣреннаго безпашенные бобыли и половники. Отдѣльныхъ повѣренныхъ и наказовъ отъ первыхъ нѣтъ вовсе; отъ вторыхъ—имѣются только наказы, но и тѣ даются крестьянскому повѣренному или адресуются прямо провинціальному депутату. Такъ, напр., половники купцовъ Челбышевыхъ пишутъ: «повелѣно выбрать отъ уѣздныхъ крестьянъ повѣренныхъ...., которые отъ черносошныхъ крестьянъ и выбраны; да сверхъ же того и за купцами состоящіе во владѣніи... половники выборному отъ здѣшней провинціи депутату о нуждахъ своихъ и недостаткахъ объявляемъ» [2]). Для составленія наказа половники вызывались сотскимъ на сходъ и объявляли свои нужды въ присутствіи всего міра [3]), но нѣтъ указаній, что они участвовали и въ выборахъ. Къ тому же нужды ихъ излагаются въ отдѣльныхъ наказахъ, не смѣшиваясь съ крестьянскими [4]).

Принималъ ли участіе въ выборахъ церковный причтъ? По закону онъ не имѣлъ права дѣлать это, но земская традиція Двинскаго сѣвера признавала за нимъ это право. Въ нѣкоторыхъ наказахъ Устюжскаго уѣзда слышится какъ будто отголосокъ XVII вѣка. «Благовѣщенскаго прихода священникъ Лука Михайловъ съ причетниками и сотскіе...., пятидесятскій...., десятскіе... съ товарищи и всѣ того Благовѣщенскаго прихода мірскіе люди... мірскія наши нужды объявляемъ»... Подъ наказомъ этимъ о. Лука подписался не только по просьбѣ крестьянъ, но и за себя. Наоборотъ, только за себя подписался подъ наказомъ Вохомской вол. свящ. В. Ѳедоровъ, а за крестьянъ раньше его подписался крестьянинъ же Герасимовъ. Точно также лишь за себя подписались два священ-

---

[1]) Стр. 78, 79, 225; еще см. 262, 315, 317.

[2]) Стр. 93; еще см. 88—107 и 195.

[3]) Стр. 95.

[4]) Есть, впрочемъ, исключенія. См. стр. 104—наказъ черносошныхъ, экономич. крестьянъ и половниковъ.

ника подъ наказомъ Спасскаго погоста (той же вол.) [1]. Спрашивается, зачѣмъ было духовнымъ лицамъ подписываться за себя и только за себя, если они не участвовали въ выборахъ? По закону они должны были лишь скрѣплять своей подписью крестьянскіе наказы, чего, какъ увидимъ, они часто не выполняли [2]. Нельзя ли предположить въ видѣ мѣстной особенности участіе приходскаго духовенства въ нѣкоторыхъ погостныхъ выборахъ Устюжскаго уѣзда вопреки закону и въ качествѣ пережитка былого земскаго самоуправленія?

Пассивнымъ правомъ при погостныхъ выборахъ по «Обряду» пользовались не всѣ избиратели. Для повѣреннаго устанавливался возрастной («не моложе 30 лѣтъ»), семейный («женатый и дѣтей имѣющій») и моральный («въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ небывалый») цензъ. Послѣдній не составилъ, повидимому, никакого затрудненія при избраніи повѣреннаго, такъ какъ обыкновенно въ погостѣ находилось лицо, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ «Обряда выборовъ». Только въ одномъ наказѣ упоминается, что «за неимѣніемъ въ... Николаевскомъ погостѣ живущаго изъ крестьянъ при земляномъ владѣніи» повѣренный «выбранъ изъ крестьянъ дер. Силягиной» [3]. Допустимо, что и нѣкоторые изъ мелкихъ «міровъ», отказавшіеся отъ избранія своего отдѣльнаго повѣреннаго и ограничившіеся врученіемъ своего наказа сосѣднему повѣренному, поступили такъ за неимѣніемъ лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ ценза и въ то же время угодныхъ крестьянамъ. Но даже при этомъ допущеніи надо полагать, что подобные случаи все-же были рѣдки; огромное большинство погостовъ обладали, повидимому, достаточнымъ количествомъ лицъ, имѣющихъ пассивное избирательное право.

Любопытно отмѣтить, что подъ вліяніемъ еще незаглохшей земской традиціи крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей сами ограничивали фактически пассивное избирательное право особымъ цензомъ, такъ сказать, соціальнаго характера. Въ XVII вѣкѣ на сѣверѣ, бывало, писали: «всѣ крестьяне... выбрали есми и излюбили въ выборные и земскіе судьи... человѣка добра, душею пряма, животомъ прожиточнаго» [4]. То же самое читаемъ и въ нѣкоторыхъ наказахъ, напр.: «выбрали повѣреннаго, той же волости крестья-

---

[1]) Стр. 159; 167; 168.

[2]) Г. Флоровскій (Op. cit., 19—20 прим.) полагаетъ, что эти подписи „за себя" есть только иная форма выполненія требованій „обряда". Едва ли это такъ. Слишкомъ ужъ своеобразна была бы эта форма...

[3]) Стр. 169.

[4]) Богословскій. Op. cit., I, прилож., стр. 83.

нина, человѣка добраго, прожиточнаго и неподозрительнаго»[1]). Въ этомъ именно смыслѣ мѣстами истолковывался и установленный закономъ избирательный цензъ: въ указѣ Е. И. В. «повелѣно, чтобы выбрать изъ всякаго прихода депутата (sic!) изъ лучшихъ крестьянъ— человѣка достойнаго...»[2]). Лучшій, т.-е. экономически лучшій, прожиточный, въ противоположность среднимъ и маломощнымъ. Между тѣмъ такого ограниченія въ «Обрядѣ выборовъ» не содержится. Насколько распространено было такое истолкованіе «Обряда» на Двинскомъ сѣверѣ, сказать невозможно, такъ какъ о соціальномъ положеніи погостныхъ повѣренныхъ наказы умалчиваютъ. Зато положительно можно сказать на основаніи нашего матеріала, что въ отступленіе отъ земской практики XVII вѣка[3]) и при полномъ отсутствіи стѣсненія со стороны «Обряда выборовъ», должностныя лица крестьянскаго міра не были избираемы погостными повѣренными. Выборъ падалъ, гдѣ это было возможно, на людей грамотныхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ обиліе подписей повѣренныхъ подъ Важскимъ уѣзднымъ наказомъ. Но не вездѣ это удавалось, почему въ числѣ повѣренныхъ встрѣчаемъ и неграмотныхъ[4]).

II.

За выборами повѣренныхъ должно было слѣдовать снабженіе ихъ наказами, которые одновременно должны были служить повѣреннымъ и удостовѣреніемъ ихъ полномочій, и инструкціей, что имъ говорить при составленіи наказа уѣздному повѣренному. Но въ дѣйствительности погостные наказы пріобрѣли въ глазахъ крестьянъ иное, болѣе важное и самостоятельное значеніе, а составленіе ихъ (повидимому, нерѣдко) отдѣлено было извѣстнымъ интерваломъ отъ выборовъ повѣреннаго. Мы уже указывали выше, что датировка погостныхъ наказовъ обнаруживаетъ позднее составленіе многихъ изъ нихъ. Иные помѣчены днемъ уѣздныхъ выборовъ, когда повѣренные были уже въ городѣ; другіе — числами, близко слѣдующими за этимъ днемъ, третьи — еще болѣе поздними датами. Въ Устюжскомъ уѣздѣ періодъ составленія погостныхъ наказовъ растянулся на $2^1/_2$ мѣсяца и закончился передъ самыми провинцальными выборами (17 апрѣля).

---

[1]) Стр. 225, еще 189, 159.
[2]) Стр. 159.
[3]) Богословскій. Op. cit, I, 238—240.
[4]) Стр. 51, 33—35.

Причины такого положенія дѣлъ могли быть и въ дѣйствительности бывали различны.

Во-первыхъ, несомнѣнно, были случаи, когда крестьяне не успѣвали написать наказъ до отъѣзда повѣреннаго въ городъ на уѣздные выборы. При первобытномъ способѣ доставки оффиціальныхъ бумагъ въ погосты, это неизбѣжно должно было случаться. Уѣздные выборы были назначены 20 февраля. Самые ранніе наказы помѣчены послѣдними числами января; слѣдовательно, въ нѣкоторые погосты «разсыльщики»-солдаты доставили манифестъ заблаговременно. Но при недостаточномъ количествѣ имѣвшихся въ воеводскихъ канцеляріяхъ «разсыльщиковъ», многіе погосты должны были получить указъ гораздо позже, можетъ быть, передъ самымъ 20 февраля. Между тѣмъ по «Обряду» манифестъ слѣдовало въ теченіе 3-хъ праздничныхъ дней читать въ церкви, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ. Стало быть, должно было пройти отъ 2 до 3 недѣль со дня полученія манифеста въ погостѣ до дня выборовъ. Очевидно, что времени было недостаточно; выборы требовали одного дня, но составить наказъ едва ли можно было такъ скоро. Естественно, что нѣкоторые погосты должны были ограничиваться одними выборами, а составленіе наказа отложить до возвращенія повѣреннаго изъ города съ выборовъ, или же поручить ему самому составить наказъ отъ ихъ имени. На поспѣшность погостныхъ выборовъ дѣйствительно и имѣются указанія. Депутатъ Архангелогородскихъ черносошныхъ крестьянъ Ив. Чупровъ въ своемъ дополненіи къ наказамъ избирателей ссылается на то, что «въ немногое время» многаго избиратели «и написать не догадались». Та же причина выставлена и въ дополненіи къ наказу крестьянъ Пустозерскаго острога [1]). Во-вторыхъ, вполнѣ допустимо и другое предположеніе: крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей только тогда спохватились и взялись за составленіе наказа, когда узнали отъ сосѣдей или отъ вернувшагося изъ города повѣреннаго, что наказы пойдутъ въ Москву и дойдутъ до самой императрицы. Въ-третьихъ, было еще мѣстами особое препятствіе, которое не позволяло въ точности выполнить требованія «Обряда»: отсутствіе грамотныхъ. На незнаніе русскаго языка находимъ жалобы въ инородческихъ (корельскихъ, зырянскихъ) наказахъ; но не только инородческія мѣстности испытали это затрудненіе. Повидимому, и въ великорусскихъ волостяхъ не всегда находился достаточно толковый человѣкъ. Изъ этого затрудненія крестьяне нашли своеобразный выходъ: они уполномочивали своего повѣреннаго дать отъ имени міра наказъ... уѣздному повѣ-

---

[1]) Флоровскій, Op. cit. XIV.

ренному (иногда же прямо провинціальному депутату) [1]). Въ такихъ случаяхъ наказъ писался уже не въ погостѣ, не на валовомъ сходѣ, а въ городѣ, въ воеводской канцеляріи, кѣмъ-нибудь изъ приказныхъ. Вотъ, напримѣръ, «отъ сотскихъ съ выборными и мірскими людьми, всего отъ 1694 душъ, по данной отъ оныхъ довѣренности... повѣренный Сороцкой волости (Двинскаго уѣзда)... поручаетъ выбранному и удостоенному (уѣздному) повѣренному представить нижеслѣдующее»... [2]) Приведемъ еще примѣръ инородческаго наказа. «Хотя и велѣно мнѣ, нижепоименованному, отъ сотскаго съ товарищами и отъ крестьянъ взять письменное наставленіе, токмо по дальности нашей Кортькѣроской волости и по неистолкованію зырянскаго народа оное наставленіе и не дано; (поэтому я), погостный повѣренный посыльщикъ... далъ сіе наставленіе уѣздному посыльщику...» [3]) Мытарства инородцевъ особенно ярко видны на примѣрѣ корельскаго депутата Каннуева. Выбранный корелами Пяозерскаго присутствія, Каннуевъ вмѣстѣ съ мірскими властями ѣздилъ за 170 в. въ с. Кандалакшу, чтобы засвидѣтельствовать свои полномочія приговоромъ. Наказъ же Каннуеву былъ писанъ уже въ Кольскомъ острогѣ въ воеводской канцеляріи. Выбранный уѣзднымъ повѣреннымъ, Каннуевъ поѣхалъ въ Архангельскъ, гдѣ справился по черновику въ своемъ наказѣ, всѣ ли нужды Пяозерскихъ крестьянъ написаны. Обнаруживъ, что «невѣдомо какого ради умышленія» нѣкоторыя нужды пяозерцевъ не занесены кольскимъ канцеляристомъ въ наказъ, Каннуевъ въ Архангельскѣ сдѣлалъ еще дополненіе къ Пяозерскому наказу. «А грамоты незнающему, что напишутъ, знать неграмотному не можно, принужденъ взять, что дадутъ»—горько жалуется Каннуевъ въ своемъ дополненіи [4]). Въ такихъ условіяхъ протекало составленіе наказа въ глухихъ углахъ Двинскаго сѣвера, инородческихъ и русскихъ. Однако, наказы не даютъ права обобщать это явленіе; наказовъ, носящихъ на себѣ ясные слѣды составленія внѣ «міра», отъ котораго они даются, немного. Поэтому было бы неосновательно думать, что подавляющая масса наказовъ составлялась приказными въ городахъ, подъ невнятную диктовку безграмотныхъ повѣренныхъ, которые бывали принуждены «взять, что дадутъ». Наоборотъ, масса наказовъ носитъ на себѣ явные слѣды составленія на мѣстахъ, подъ контролемъ мірского схода. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только немногочисленныя извѣстія о валовыхъ сходахъ, на которыхъ происходило составленіе наказа и выборы,

---

[1]) Стр. 18, 20—21; 254, 265—6; 275, 279.

[2]) Стр. 17—18.

[3]) Стр. 266.

[4]) Стр. 33–35.

но косвенно также многочисленныя подписи священниковъ, мірскихъ властей и крестьянъ подъ наказами. Кромѣ того, кое-гдѣ указано, кѣмъ именно писанъ наказъ, при чемъ въ качествѣ авторовъ названы сотскіе, пищики, священники, рядовые крестьяне. Все это побуждаетъ признать, что общераспространенный порядокъ составленія наказа заключался въ писаніи его на мѣстѣ, подъ мірскимъ контролемъ. Но это составленіе наказа всѣмъ міромъ могло происходить и послѣ поѣздки погостнаго повѣреннаго въ городъ на выборы. Это влекло за собою только легкое измѣненіе формы наказа: вмѣсто того, чтобы давать его погостному повѣренному, міръ вмѣстѣ съ послѣднимъ обращался къ уѣздному повѣренному, а иногда даже и непосредственно къ провинціальному депутату [1]). Впрочемъ, бо́льшая часть наказовъ, составленныхъ послѣ уѣздныхъ выборовъ, сохраняла обычную форму обращенія къ погостному повѣренному. Можетъ быть, послѣдній вторично ѣздилъ въ городъ спеціально для врученія наказа уѣздному повѣренному.

Такимъ образомъ, ходъ составленія наказовъ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Часть наказовъ, судя по ихъ датамъ, составлена непосредственно послѣ погостныхъ выборовъ и во всякомъ случаѣ до поѣздки повѣреннаго въ городъ на выборы (20 февраля); остальные—составлены уже послѣ уѣздныхъ выборовъ, когда крестьяне уяснили себѣ (изъ разсказовъ повѣреннаго или изъ примѣра сосѣдей) значеніе наказа, какъ прошенія на высочайшее имя, какъ мірского челобитія. Масса наказовъ обѣихъ категорій составлена на мѣстахъ подъ контролемъ міра, но безграмотность населенія (а среди инородцевъ—незнаніе государственнаго языка) заставляла отступать отъ этого правила и поручать составленіе наказовъ посторонним лицамъ подъ контролемъ повѣреннаго.

Теперь мы должны обратить вниманіе, во-первыхъ, на форму наказовъ, затѣмъ — на подписи подъ ними и, наконецъ, собрать воедино скудныя указанія на самыхъ составителей этихъ интересныхъ историческихъ документовъ.

Форма наказовъ была дана законодательницей крестьянамъ въ «Образцѣ повѣреннаго погостнаго письма», приложенномъ къ «Обряду выборовъ». Этотъ «Образецъ», конечно, и оказалъ свое шаблонизирующее вліяніе. Однако казенный «Образецъ» былъ не въ силахъ придать всѣмъ наказамъ совершенно одинаковую форму, такъ какъ регламентація XVIII вѣка столкнулась здѣсь, на Двинскомъ черносошномъ сѣверѣ, съ еще живою земскою традиціей предыдущихъ эпохъ. Выработанныя на мѣстахъ мірской практикой

---

[1]) Стр. 298, 309, 315, 318; 116—118, 193.

обычныя формы обращенія къ власти вступили въ борьбу съ даннымъ извнѣ, сверху, шаблономъ и во многихъ случаяхъ заслонили его. Крестьяне инстинктивно сближали наказъ съ старинными «выборами»—съ одной стороны, съ мірскими «заручными челобитіями»—съ другой. На это указываютъ встрѣчающіеся въ наказахъ термины былого земскаго самоуправленія. Наказы оффиціально назывались «повѣренными письмами». Крестьяне сближали этотъ терминъ съ болѣе имъ привычнымъ: «вѣрющее письмо», т.-е. довѣренность. Но чаще они называли наказъ по-своему: явкой, сказкой, прошеніемъ, жалобой, челобитіемъ, изнеможеніемъ, выборомъ, заручной. Нѣкоторые придавали наказу форму прошенія на высочайшее имя. Наказъ, очевидно, напоминалъ крестьянамъ одновременно и «выборъ», т.-е. приговоръ объ избраніи мірского челобитчика, и «посыльную запись» (инструкцію), и самое земское челобитіе. О такомъ же вліяніи земской традиціи говорятъ и вышеприведенныя формулы міра (которыхъ не давалъ казенный «Образецъ»). Въ отступленіе отъ «Образца» наказы исходили не всегда непосредственно отъ міра, но также иногда прямо отъ погостнаго повѣреннаго, уполномоченнаго міромъ къ подачѣ прошенія; тѣ же, которые исходили отъ міра, не всегда обращены къ повѣренному, какъ требовалось. Есть наказы, адресованные въ воеводскую или провинціальную канцелярію. И эти отступленія санкціонировались земской традиціей: челобитія писались на имя государя, но направлялись къ тѣмъ изъ мѣстныхъ властей, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависѣло удовлетвореніе ходатайства. Мірскіе посыльщики сами составляли челобитныя по уполномочію отъ міра. Иногда, впрочемъ, форма наказа не зависѣла ни отъ казеннаго «Образца», ни отъ земской традиціи. Такъ, нѣкоторые наказы носятъ характеръ исторической справки [1]).

Взглянемъ на подписи подъ наказами.

«Обрядъ выборовъ» требовалъ, чтобы повѣренное письмо было подписано священникомъ и не менѣе, какъ 7-ю хозяевами погоста; за неграмотныхъ должны были подписаться ихъ довѣренные. Требованіе это крестьянами Архангелогородской губ. исполнено не было.

Изъ наказовъ, напечатанныхъ Историч. О-вомъ, меньше трети (30%) имѣютъ подписи священниковъ, между тѣмъ какъ крестьянскія подписи имѣютъ почти $^9/_{10}$ наказовъ. Подписи тѣхъ и другихъ вмѣстѣ находимъ только въ 39 наказахъ изъ 229, т.-е. въ 16—17% наказовъ. Такимъ образомъ, свыше $^2/_3$ (напечатанныхъ) наказовъ не скрѣплены подписью священника, но зато очень мало (какая-нибудь $^1/_{10}$ часть) наказовъ не засвидѣтельствована крестьянской

---

[1]) Напр., см. стр. 258; 198, 204.

рукой. При этомъ около половины ($49^0/_0$) наказовъ подписаны *только* крестьянами; подъ прочими, кромѣ крестьянъ, подписались или ихъ должностныя лица, или члены причта, рѣдко—тѣ и другіе вмѣстѣ. Количество крестьянскихъ подписей достигаетъ нормы лишь въ видѣ исключенія. Нормальное число ихъ встрѣчается только въ двухъ наказахъ, а въ семи наказахъ эта норма даже превзойдена. Чаще всего (въ 74 наказахъ) подъ мірскимъ приговоромъ находимъ одно крестьянское рукоприкладство, рѣже—два.

Чѣмъ объясняется этотъ недостатокъ крестьянскихъ подписей? Вопросъ на первый взглядъ представляется совершенно излишнимъ: безграмотность населенія, на которую въ наказахъ встрѣчаемъ прямыя ссылки, не позволяла выполнять въ точности даже такое скромное требованіе, какое предъявлялось къ сельскимъ обитателямъ «Обрядомъ выборовъ».

Спорить противъ этого объясненія безполезно: справедливости его отрицать нельзя. Но есть важное обстоятельство, которое не позволяетъ окончательно остановиться на одномъ этомъ объясненіи; по крайней мѣрѣ не позволяетъ ограничиться ссылкой на неграмотность населенія при объясненіи всѣхъ многочисленныхъ случаевъ этого порядка. Извѣстная часть наказовъ съ недостаточнымъ числомъ крестьянскихъ подписей, несомнѣнно, находитъ свое исчерпывающее объясненіе въ тогдашнемъ уровнѣ грамотности. Но для другой части необходимо внести коррективъ къ этому объясненію. Обстоятельство, которое заставляетъ искать иного объясненія даннаго факта, заключается въ полномъ отсутствіи подписей священниковъ въ $^2/_3$ наказовъ. Что въ волости (погостѣ, починкѣ и т. д.) могло не найтись болѣе одного-двухъ крестьянъ, способныхъ подписать свое имя подъ наказомъ, это вполнѣ возможно; но почему же въ такомъ случаѣ не подписалъ наказа мѣстный священникъ? «Обрядъ выборовъ» прямо этого требовалъ; кромѣ того, онъ предписывалъ, чтобы за неграмотныхъ подписывались тѣ, кому они повѣрятъ. Слѣдовательно, при недостаткѣ грамотныхъ въ волости, могли подписываться и члены причта (ужъ, конечно, настолько грамотные, чтобы приложить руку!) и мірскіе выборные. Между тѣмъ случаи подписей этихъ завѣдомо грамотныхъ лицъ сравнительно очень немногочисленны. Обширная группа наказовъ, почти половина ихъ, снабжена только крестьянскими рукоприкладствами, количество коихъ рѣдко бываетъ болѣе одного-двухъ.

Если мы обратимся ко времени еще болѣе безграмотному, къ аналогичнымъ мірскимъ актамъ эпохи расцвѣта сѣвернаго земства, то мы найдемъ тамъ указанія на то, какимъ образомъ выходилъ

міръ изъ затрудненія, создаваемаго его «безписьменностью». Акты XVII вѣка («выборы», приговоры всякаго рода) часто не имѣютъ ни одной крестьянской подписи, но всегда скрѣплены рукоприкладствомъ «попа»: эта одна подпись дѣлала ихъ законными; наоборотъ, власти отказывались признавать подлинность и дѣйствительность приговоровъ, у которыхъ «поповскихъ рукъ» нѣтъ [1]). Слѣдовательно и съ традиціонной и съ законной («Обрядъ») точки зрѣнія ²/₃ наказовъ отъ крестьянъ пришлось бы признать недѣйствительными и усумниться въ правомочности предъявившихъ эти документы повѣренныхъ. Едва ли здѣсь умѣстна ссылка на юридическую безграмотность крестьянъ: деревенскія должностныя лица могли быть круглыми невѣждами въ законахъ, но они хорошо знали по опыту и традиціи, при какихъ формальныхъ условіяхъ челобитія, «выборы» и «сказки» признаются начальствомъ дѣйствительными.

Итакъ, ни законъ, ни обычай не даютъ объясненія разительному факту полнаго отступленія крестьянскихъ міровъ Сѣвера отъ традиціонной практики при подписываніи наказовъ. Очевидно, были какія-то важныя причины, которыя, во-первыхъ, удерживали крестьянъ отъ обращенія къ священнику [2]) и должностнымъ лицамъ съ просьбой о рукоприкладствѣ; а, во-вторыхъ, давали крестьянамъ основаніе считать свои наказы дѣйствительными и законными даже по скрѣпленіи ихъ подписью одного только крестьянина, иногда—обитателя чужого погоста.

Какого же характера могли быть эти причины?

Намъ кажется, что, съ одной стороны, здѣсь оказалъ вліяніе нѣсколько своеобразный взглядъ крестьянъ на наказъ; а съ другой—извѣстный отпечатокъ наложили и соціальныя отношенія, существовавшія въ тотъ моментъ въ сѣверныхъ черносошныхъ волостяхъ. Выше было замѣчено, что наказъ въ глазахъ крестьянъ являлся актомъ, въ которомъ соединялся вмѣстѣ «выборъ» съ «челобитіемъ» и съ «посыльной записью», при чемъ одни выдвигали и подчеркивали первое значеніе акта, другіе—второе. Но «служа для правительства удостовѣреніемъ состоявшагося избранія и ручательствомъ за качества избраннаго—съ одной стороны, «выборъ» въ то же время, излагая взаимныя обязательства избраннаго и избирателей, имѣлъ характеръ сдѣлки между ними, довольно сильно отдававшей договоромъ найма...» [3]) Эти характерныя черты ста-

---

[1]) Богословскій. Op. cit., т. I, прилож. V; т. II, стр. 57—58.

[2]) Предположеніе, что во всѣхъ тѣхъ приходахъ, наказы которыхъ не имѣютъ „поповской руки", не было въ 1767 г. священниковъ, кажется намъ совершенно невѣроятнымъ.

[3]) Богословскій. Op. cit., т. I, стр. 321.

ринныхъ «выборовъ» проглядываютъ въ наказахъ иногда довольно явственно.

Такъ, рукоприкладчикъ—кто бы онъ ни былъ—считаетъ (въ большинствѣ случаевъ) своимъ долгомъ оговориться точно, за кого именно онъ ставитъ подпись: за себя, за сотскаго, за всѣхъ выборныхъ лицъ, за крестьянъ. Слѣдовательно, въ подписываніи наказа онъ видитъ не простое выраженіе согласія съ его содержаніемъ, а нѣчто бо̀льшее, именно—ручательство за все изложенное въ документѣ съ возложеніемъ на себя отвѣтственности за послѣдствія даннаго дѣянія передъ государствомъ [1]). Тотъ, кто прикладываетъ свою руку къ наказу, тѣмъ самымъ какъ бы говоритъ, что онъ готовъ поручиться и за качества избраннаго, и за подлинность документа, и за справедливость изложенныхъ въ немъ нуждъ, и за то, что наказъ, дѣйствительно, является выраженіемъ мнѣнія, голосомъ всего міра, а не однихъ должностныхъ лицъ и міроѣдовъ.

Съ этой точки зрѣнія количество подписей подъ наказомъ не могло имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ одинъ надежный поручитель и вѣрный свидѣтель (очевидецъ) могъ стоить цѣлаго десятка. Въ очень оригинальной довѣренности на выборы уѣзднаго повѣреннаго, данной крестьянами Пажгинской и Гаринской волостей своему повѣренному, между прочимъ, говорится: «тебѣ, повѣренному... выбирать уѣзднаго повѣреннаго... *и за наши Пажгинской и Гаринской волостей руки прикладывать безсумнительно*, въ томъ и сіе письмо дали» [2]). Довѣренность, по просьбѣ крестьянъ, подписана крестьяниномъ Поповымъ.

Раньше, за столѣтіе передъ тѣмъ, авторитетъ «попа» въ глазахъ міра стоялъ такъ высоко, что одна «поповская рука» у «выбора» придавала послѣднему законную силу. Въ Екатерининскую эпоху, повидимому, взаимоотношенія между причтомъ и міромъ настолько измѣнились, что крестьяне стали ограничиваться рукоприкладствомъ своихъ же однообщественниковъ. Тѣсная связь между причтомъ и міромъ, ихъ сотрудничество, отошли въ область исторіи вмѣстѣ съ эпохой расцвѣта земскаго самоуправленія и если сохранились еще, то только въ немногихъ мѣстностяхъ. При измѣнившихся

[1]) Въ наказѣ экономическихъ крестьянъ Устьвымской волости читаемъ: „Всѣ тѣ наши нужды и недостатки въ семъ наставленіи мы, нижеподписавшіеся мірскіе люди, объявили по самой истинѣ, *въ чемъ дозволено будетъ, въ томъ подъ симъ и подписуемся*". Наказъ подписалъ староста и болѣе 40 чел. крестьянъ. Стр. 244. Въ нѣсколькихъ наказахъ Яренскаго уѣзда съ незначительными варіантами повторяется такая фраза: „мы, нижеподписавшіеся крестьяне, объявили самую сущую правду безъ всякаго пристрастія и облыжности, въ томъ подъ симъ и подписуемся" (См. стр. 227, 232, 237, 254, 276).

[2]) Стр. 283—284.

взаимоотношеніяхъ, естественно, и крестьяне могли отдавать предпочтеніе при скрѣпленіи наказа своему же брату—волощанину; да и священники не имѣли, вѣроятно, склонности подписываться за крестьянскій міръ, которому они были чужды, но за который они, ставя свою подпись подъ наказомъ, должны были, по крестьянскому взгляду, ручаться. Изъ всѣхъ членовъ причта по образу жизни и мысли наиболѣе близкими къ міру были, конечно, дьячки и пономари; этимъ, можетъ быть, объясняется тотъ интересный фактъ, что мы встрѣчаемъ иногда рукоприкладство дьячка за крестьянъ тамъ, гдѣ подпись священника или вовсе отсутствуетъ, или ставится за сотскаго съ товарищами [1]).

Однако разложеніе мірского единства въ эпоху составленія наказовъ провело грань интересовъ не только между причтомъ и міромъ, но и въ средѣ міра—между выборными и рядовыми крестьянами. Въ нѣкоторыхъ наказахъ строго проводится двусторонность подписей: выборные или сами подписываются за себя, или выставляютъ своимъ рукоприкладчикомъ священника, дьячка (рѣже). А если подписываютъ наказъ по просьбѣ міра, то считаютъ нужнымъ это обстоятельство оговорить. Точно также и рукоприкладчики со стороны крестьянъ не забываютъ дѣлать соотвѣтствующей оговорки [2]). Міръ, такимъ образомъ, выступаетъ здѣсь предъ историкомъ, какъ двусоставное цѣлое. Каждая изъ сторонъ выставляетъ особаго поручителя, какъ будто не совсѣмъ довѣряя другой. Объясняется это, можетъ быть, не однимъ упадкомъ земской солидарности, но также отчасти и тѣмъ, что сами крестьяне во многихъ волостяхъ раскалывались въ то время на двѣ соціальныя партіи, между которыми шла борьба. Выборные — сотскій, пятидесятскій, сборщикъ—конечно, склонялись на ту или другую сторону, чѣмъ и вызывали недовѣріе и подозрительное отношеніе къ себѣ въ противоположномъ станѣ. Эта борьба, достигшая послѣ изданія межевыхъ инструкцій 1754 и 1766 г.г. особой интенсивности, болѣе подрывала мірское единство, чѣмъ усиленіе мѣстнаго административнаго управленія. Она же, вѣроятно, побуждала однихъ священниковъ уклоняться вовсе отъ прикладыванія руки къ наказу, другихъ же—подписываться лишь за себя.

Такимъ образомъ, наше предположеніе сводится къ тому, что 1) недостаточное число крестьянскихъ подписей допускаетъ для нѣкоторой части случаевъ и иное объясненіе, помимо ссылки на безграмотность населенія; и 2) отсутствіе подписей священниковъ

---

[1]) Стр. 102, 125, 167, 169, 199, 319.

[2]) Passim; для примѣра укажемъ стр. 125, 127, 142, 153, 158, 232, 283.

подъ наказами слѣдуетъ объяснять причинами общественнаго характера.

Мы подошли къ интересному, но въ предѣлахъ нашего матеріала неразрѣшимому вполнѣ вопросу: кто писалъ эти «вѣрющія письма», эти «изнеможенія» сѣвернаго черносошнаго крестьянства?

«Обрядъ выборовъ» предоставлялъ избирателямъ поступать въ этомъ случаѣ согласно мѣстнымъ обычаямъ. Въ эпоху расцвѣта на сѣверѣ земскаго самоуправленія мірскіе приговоры писались обязательно земскими дьячками (секретарями, пищиками), иначе приговоръ считался незаконнымъ. Въ концѣ акта прямо указывалось: «А выборъ писалъ по мірскому велѣнію земскій дьячекъ такой-то» [1]). Въ XVIII вѣкѣ земскіе пищики продолжали вести мірское дѣлопроизводство [2]).

Въ противоположность установившейся практикѣ, упоминаніе о составителѣ въ самомъ текстѣ наказа встрѣчается лишь какъ рѣдкое исключеніе; при этомъ только одинъ разъ составителемъ оказался дьячекъ (церковный), писавшій наказъ въ отсутствіе священника. Въ четырехъ другихъ случаяхъ роль пищика исполнялъ, или сотскій, или рядовой крестьянинъ [3]). Итого 5 прямыхъ свидѣтельствъ въ текстѣ на всѣ 229 наказовъ.

Но о составителяхъ наказовъ можно судить по почерку, сличая почеркъ наказа съ подписями подъ нимъ. Къ сожалѣнію, изданные И. Русск. Историч. О-вомъ наказы рѣдко снабжены соотвѣтствующими отмѣтками редакціи, и намъ остается только свести воедино тѣ немногія замѣчанія, которыя были сдѣланы В. И. Сергѣевичемъ, редактировавшимъ CXXIII томъ Сборника И. Русск. Истор. О-ва. Такимъ путемъ, по почерку, удается установить авторовъ еще 27-ми наказовъ. 14 изъ нихъ писаны крестьянами, 6—священниками, остальные — сотскими. При этомъ обнаруживаются любопытныя обстоятельства. Находимъ наказъ, подписанный по просьбѣ крестьянъ земскимъ пищикомъ, но писанный не его рукой. Точно также имѣемъ два наказа, которые хотя и подписаны мѣстными священниками, но писаны рукой рядового крестьянина. Одинъ только наказъ писанъ рукою пищика и еще одинъ подписанъ пищикомъ, но писанъ неизвѣстно кѣмъ.

Всѣхъ этихъ случаевъ, разумѣется, совершенно недостаточно для рѣшенія вопроса о составителяхъ наказовъ. Однако, это нисколько не мѣшаетъ отмѣтить, что, *насколько намъ достовѣрно*

---

[1]) Богословскій. Op. cit., I, 220, 297, 299; прил. V.
[2]) Семевскій, Крестьяне, II, 106.
[3]) Стр. 169, 136—137, 165, 284.

извѣстно, составленіе наказовъ предпочтительно поручалось міромъ не обычному секретарю, а особо уполномоченному изъ крестьянъ и уже гораздо рѣже — священнику или сотскому. Повидимому, міръ въ столь важномъ случаѣ искалъ въ своей средѣ наиболѣе искуснаго или наиболѣе надежнаго человѣка; таковымъ, смотря по обстоятельствамъ, могъ оказаться въ одномъ мѣстѣ—священникъ, въ другомъ—сотскій, въ третьемъ—пищикъ; однако, выборъ падалъ чаще всего на крестьянина же. Очевидно, міръ склоненъ былъ болѣе довѣрять своему же брату, чѣмъ выборнымъ должностнымъ лицамъ или членамъ причта. При томъ соціальномъ антагонизмѣ, въ которомъ, какъ отмѣчено выше, находилась въ 1767 г. сѣверная деревня, это было такъ естественно.

Приблизительно 200 наказовъ въ печатномъ видѣ не содержатъ никакихъ указаній на ихъ составителей. Не является ли это отсутствіе указаній уже само по себѣ косвеннымъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что наказы писались обычными секретарями міра— пищиками, дьячками? Вѣдь наказъ былъ приговоромъ схода, а приговоры составлялись дьячками, это было однимъ изъ условій ихъ законности. Нельзя-ли немногочисленныя оговорки, указывающія на составленіе наказовъ крестьянами, сотскими, священниками, объяснять именно тѣмъ, что это были отступленія отъ обычнаго порядка? Противъ такого истолкованія «анонимности» наказовъ говоритъ, прежде всего, обычная практика мірского дѣлопроизводства, требовавшая обозначенія въ приговорѣ имени его составителя. Кромѣ того, такое истолкованіе представляется намъ совершенно произвольнымъ въ виду наличности прямыхъ (хотя и немногочисленныхъ) указаній на составленіе наказовъ именно не обычными секретарями земскаго міра. Это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что тѣ немногіе наказы, авторы коихъ намъ извѣстны, ни по формѣ, ни по содержанію не выдѣляются изъ массы другихъ, «анонимныхъ» наказовъ.

III.

Слѣдя за выборами въ погостахъ, мы попутно отмѣчали нѣкоторыя черты, характеризующія отношеніе Двинскихъ крестьянъ къ дѣлу, задуманному имп. Екатериной II. Такъ, обиліе наказовъ свидѣтельствуетъ объ активности сельскаго населенія сѣвера въ 1767 г.; старинные термины и формы земскаго мірского дѣлопроизводства, проникающіе въ наказы, указываютъ на то, какія воспоминанія будили среди черносошнаго крестьянства выборы въ коммиссію, и пр. Въ дополненіе къ этому сгруппируемъ еще тѣ черты,

которыя даютъ возможность судить, какъ преломился замыселъ императрицы Екатерины II въ сознаніи народа.

Конечная цѣль комиссіи 1767 г. была законосовѣщательная— участіе въ составленіи новаго уложенія. Насколько-же ясна была эта конечная цѣль сельскимъ избирателямъ далекаго Двинскаго сѣвера?

Для уясненія этого вопроса необходимо обратить вниманіе на объективныя условія, которыя должны были затруднять для избирателей-крестьянъ уразумѣніе замысла императрицы во всей его полнотѣ. Таковыми условіями были: многостепенность выборовъ крестьянскихъ депутатовъ—съ одной стороны, двойственность роли этихъ депутатовъ—съ другой.

Что первое изъ этихъ условій, дѣйствительно, и оказало свое отрицательное вліяніе, объ этомъ наказы прямо свидѣтельствуютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ многостепенность выборовъ произвела путаницу не только въ представленіяхъ избирателей, но и породила рядъ недоразумѣній при выборахъ и составленіи наказовъ. Въ Тотемскомъ уѣздѣ крестьяне нѣкоторыхъ погостовъ запутались въ присланномъ имъ «Обрядѣ выборовъ» и не знали, по какому изъ трехъ «Образцовъ» слѣдуетъ сочинять наказъ. Въ концѣ концовъ, они вышли изъ этого затрудненія, но вышли совершенно неудачно, принявъ за образецъ для своего наказа «полномочіе провинціальному депутату». Отсюда получилось то странное явленіе, что собравшіеся на сходъ крестьяне Маизловскаго улусца величали себя въ наказѣ уѣздными повѣренными Вологодской провинціи, предъ выборами учиняли присягу по предписанному образцу и выбирали не погостнаго повѣреннаго, а «уѣзднаго депутата», и не изъ своихъ однообщественниковъ, а изъ крестьянъ чужой волости. Дѣйствительно-ли путаница зашла такъ далеко, что нѣкоторые сходы Тотемскаго уѣзда при выборахъ на самомъ дѣлѣ слѣдовали порядку, установленному для второй и третьей стадіи (какъ значится въ рядѣ наказовъ [1]), или недоразумѣніе ограничилось путаницей въ наказахъ — неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что, составляя наказы послѣ избранія въ уѣздные повѣренные крестьянина Мольской волости П. М. Тарасовскихъ, крестьяне данной мѣстности по недоразумѣнію взяли за образецъ для своихъ наказовъ «полномочіе провинціальному депутату», чѣмъ и возвели себя, сами того не подозрѣвая, въ степень «уѣздныхъ повѣренныхъ Вологодской провинціи». Но не подлежитъ сомнѣнію, что все это могло произойти только на почвѣ непониманія системы выборовъ въ комиссію, си-

[1] Стр. 308, 317, 319, 325.

стемы слишкомъ сложной и запутанной. Въ результатѣ и получилось смѣшеніе понятій: избиратели первой стадіи спутаны были съ уѣздными выборщиками, погостный повѣренный—выборщикъ первой стадіи—смѣшанъ съ депутатомъ, депутатъ—съ уѣзднымъ повѣреннымъ, выборщикомъ второй стадіи. П. М. Тарасовскихъ считался своими однообщественниками тѣмъ самымъ лицомъ, которому предстоитъ быть членомъ комиссіи: наказъ Мольской волости вручался «уѣздному депутату» «для предложенія по прибытіи его... въ Москву... при сочиненіи проекта новаго уложенія» [1]).

Тотемскій уѣздъ не былъ, вѣроятно, исключеніемъ, и недоразумѣнія на почвѣ неяснаго представленія плана выборовъ бывали и въ другихъ мѣстностяхъ. Предположеніе это косвенно подтверждается текстомъ еще нѣкоторыхъ наказовъ. Такъ, крестьяне Сойгинской волости думали, что погостные повѣренные должны выбирать въ Яренскѣ «голову и депутата отъ уѣзда». Вочевскіе починки поручали своему выборному идти въ Великоустюжскую провинціальную канцелярію, выбрать тамъ «уѣзднаго депутата» и объявить ему мірскія нужды [2]). Третья стадія выборовъ, очевидно, стушевывается совершенно въ представленіи крестьянъ, и уѣздный повѣренный принимается за депутата. Есть слѣды еще большаго упрощенія системы выборовъ въ представленіи крестьянъ. Въ наказѣ Благовѣщенскаго прихода (Устюжскаго у.) говорится: указомъ императрицы повелѣно «выбрать изо всякаго прихода депутата... и дать отъ себя наставленіе, точію уже у насъ и выбранъ, и мірскія наши нужды объявляемъ... выбранному депутату» [3]). Выборы превращались въ прямые...

Вслѣдствіе такого же смѣшенія второй и третьей стадіи выборовъ отъ нѣкоторыхъ ускользало представленіе объ уѣздныхъ выборахъ [4]).

Однако для характеристики отношенія сѣверныхъ сельскихъ избирателей къ выборамъ важно отмѣтить и факты противоположные, свидѣтельствующіе о томъ, что крестьяне умѣли иногда хорошо разбираться даже въ установленной для нихъ сложной выборной системѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Крестьяне Турецкой трети (Яренскаго у.) пишутъ: императрица «повелѣла намъ... черезъ погостныхъ и уѣздныхъ повѣренныхъ, также и черезъ депутатовъ прислать всѣмъ на разсмотрѣніе Е. И. В. народскія крайнія нужды и чувствительные недостатки каждаго мѣста». Въ рядѣ наказовъ

[1]) Стр. 310.
[2]) Стр. 273, 165; см. еще 125, 248, 298.
[3]) Стр. 159; ср. 188, 190.
[4]) Стр. 78, 109, 112, 179, 180.

того же уѣзда встрѣчается стереотипное, но взятое не изъ казеннаго «Образца» выраженіе: «крестьянину (такой то волости), а выбранному отъ насъ повѣренному, дали сіе наставленіе для отдачи уѣздному повѣренному, а отъ него провинціальному депутату — о чемъ надлежитъ просить» [1]). Черносошные крестьяне двухъ волостей того же уѣзда въ довѣренности своему выборному пишутъ: «по сему нашему всемірскому письму (sic!) тебѣ, повѣренному, съ прочими волостными повѣренными единственно въ совѣтѣ выбирать уѣзднаго повѣреннаго изъ наличныхъ выборныхъ крестьянъ, какъ въ присланномъ Е. И. В. манифестѣ повелѣно» [2]).

Другимъ объективнымъ условіемъ, затруднявшимъ для сельскихъ избирателей ясное представленіе конечной цѣли уложенной комиссіи, была, какъ сказано, двойственность роли, которую должны были сыграть депутаты. Отъ нихъ императрица хотѣла прежде всего узнать нужды и недостатки каждаго мѣста, для чего и требовала, чтобы депутаты явились съ наказами. По справедливому замѣчанію проф. А. Н. Филиппова, тѣмъ самымъ императрица оживила старомосковскій взглядъ на выборныхъ, какъ на представителей *мѣстныхъ* интересовъ [3]). На сѣверѣ это воскрешало еще и воспоминанія о земской старинѣ, о мірскихъ челобитіяхъ и мірскихъ посыльщикахъ [4]), а также способствовало сближенію наказовъ съ первыми, депутатовъ — со вторыми. Однако императрица хотѣла, чтобы депутаты, кромѣ того, участвовали съ совѣщательнымъ голосомъ въ измѣненіи законовъ, въ составленіи новаго уложенія, которое и должно было явиться отвѣтомъ на представленія о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ. Легко a priori сказать, къ чему должна была вести такая двойственность роли депутатовъ на черносошномъ крестьянскомъ сѣверѣ съ его еще неугасшими земскими традиціями. Роль депутатовъ, какъ ходатаевъ о мѣстныхъ мірскихъ нуждахъ, должна была въ сознаніи населенія выдвинуться впередъ и заслонить собою отъ крестьянъ другую, болѣе важную и основную функцію депутатовъ—участіе въ законодательствѣ. И дѣйствительно, наказы позволяютъ констатировать интересный фактъ, что о комиссіи и уложеніи избиратели почти не упоминаютъ; наоборотъ, представительство мѣстныхъ нуждъ дѣлается въ ихъ глазахъ какъ будто бы единственной задачей ихъ избранниковъ.

Въ одномъ изъ наказовъ встрѣчается характерная передача содержанія манифеста 14 декабря 1766 г.; по словамъ крестьянъ,

---

[1]) Стр. 262, тоже 259; 228—280

[2]) Стр. 283.

[3]) Депутаты Екатерин. комиссіи и Сенатъ. Спб., 1910 г., стр. 24.

[4]) Богословскій. Земское самоуправленіе, II, гл. IV.

манифестомъ «повелѣно писать всякія достигшія до Е. И. В. жалобы, чтобы узнать можно было нужды и чувствительные недостатки народа, и поручить оные выбраннымъ депутатамъ, дабы они представить могли, гдѣ надлежитъ» [1]). Въ манифестѣ было сказано также и объ учрежденіи комиссіи для составленія новаго уложенія, но крестьяне въ своемъ вольномъ пересказѣ опустили это, показавъ тѣмъ самымъ, что въ ихъ представленіи функціи депутатовъ отнюдь не носили двойственнаго характера.

Въ наказѣ Сойгинской волости (Яренскаго у.) говорится: мы, крестьяне, «дали сіе вѣрющее наставленіе... выбранному повѣренному въ силу публикованнаго манифеста о учрежденіи въ Москвѣ комиссіи и во оную для выбора депутатовъ о сочиненіи проекта новаго уложенія и о протчемъ (sic!); и оному повѣренному... ввѣряемъ ото всѣхъ нашихъ крестьянъ отвѣтствовать и подать письменно за рукою его (повѣреннаго), кто ими (повѣренными) выбранъ... депутатомъ; повѣренный будетъ по нижеобъявленному волостные наши нужды и недостатки предъявлять за рукоприкладствомъ всѣхъ крестьянъ» [2]).

Наказъ этотъ раскрываетъ и оттѣняетъ крестьянское представленіе о роли депутата. Сойгинскіе избиратели знаютъ объ учрежденіи комиссіи, но цѣль ея представляется имъ смутно: сочиненіе уложенія и *прочее*. Зато избиратели превосходно знаютъ, что долженъ дѣлать ихъ избранникъ: отвѣчать отъ всѣхъ крестьянъ, отстаивать ихъ волостныя нужды на съѣздѣ повѣренныхъ и передовѣрить эту защиту тому, кто будетъ избранъ депутатомъ отъ всего уѣзда. Интересно, что наказъ разсматривается здѣсь, какъ инструкція довѣренному, которой онъ и долженъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Подобно этому въ нѣсколькихъ наказахъ Яренскаго у. поручается повѣренному «донесть и объявить объ нашихъ нуждахъ, гдѣ надлежитъ, по нашему письменному объявленію *точно*» [3]). Другіе составители наказовъ, исходя изъ того же пониманія роли депутатовъ, дѣлали еще одинъ лишній шагъ и окончательно отожествляли наказъ съ прошеніемъ на высочайшее имя. Такъ, крестьяне Совьюжской волости (Тотемскаго у.), тѣ самые, которыхъ многостепенность выборовъ ввела въ такое заблужденіе, «приговорили: о происходимыхъ навсегда здѣшнему крестьянству... отягощеніяхъ и общихъ нуждахъ оному депутату... по здѣшней (волости?) представить съ прошеніемъ на оной о исходатайствованіи

---

[1]) Стр. 297.

[2]) Стр. 273.

[3]) Стр. 237; еще стр. 227, 232, 254, 279.

милостивѣйшаго разсмотрѣнія и ко общей пользѣ и благополучію учиненія надлежащей резолюціи» [1]). Въ Яренскомъ уѣздѣ тоже думали, что манифестомъ повелѣно «прислать въ сенатъ, на разсмотрѣніе Ея Величеству народскія крайнія нужды и недостатки каждаго мѣста» [2]), но о резолюціи умалчивали.

Совершенно въ томъ же духѣ написаны и нѣкоторые наказы, обращенные непосредственно къ императрицѣ. «В. И. В. всемилостивѣйшая государыня Екатерина Алексѣевна! Матернее ваше милосердіе до насъ, всенижайшихъ вѣрноподданныхъ, соизволило выслушать наши нужды, недостатки и отягощенія, чего мы съ охотою желали»... Такъ начинается наказъ Усть-цылемской слободки (Пустозерскаго у.); финалъ его таковъ: «О всемъ вышеописанномъ, В. И. В. Екатерина Алексѣевна, всенижайшіе мы вѣрноподданные и нижеподписавшіеся объявили свои нужды и недостатки, и отчего отягощены, и кѣмъ обижены, и въ чемъ наше прошеніе — для общей мірской пользы самую сущую правду по христіанской должности, въ томъ и подписуемся» [3]).

Что приведенныя наиболѣе характерныя мѣста изъ наказовъ являются типичными, не составляютъ исключенія,—это доказывается множествомъ мелкихъ, отрывочныхъ выраженій, которыя не столько говорятъ, сколько намекаютъ на распространенность отмѣченнаго нами взгляда среди крестьянъ. Сюда относятся, между прочимъ, и названія, которыя придаютъ наказамъ ихъ составители и которыя характеризуютъ эти мірскіе акты, какъ прошенія, челобитія, заявленія о мѣстныхъ нуждахъ [4]). Этотъ основной характеръ наказовъ въ той или иной степени выраженъ, кажется, во всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые не являются простой копіей казеннаго «Образца». Но смотря по уровню развитія крестьянъ данной мѣстности, этотъ господствующій взглядъ выражается въ томъ или иномъ тонѣ, суживается или расширяется. Такъ, инородцы Кольскаго уѣзда не только въ униженномъ тонѣ «всепокорно просятъ» учинить милостивое разсмотрѣніе ихъ «нижайшаго прошенія», но и удовлетворенія своихъ нуждъ ожидаютъ отъ уѣздной воеводской канцеляріи, дальше которой, видимо, не простираются ихъ взоры [5]). Ступенью

---

[1]) Стр. 316; ср. 71.

[2]) Стр. 258. Еще стр. 58: „О всѣхъ показанныхъ нашихъ нуждахъ вѣримъ объявить на всемилостивѣйшее разсмотрѣніе“... Ср. стр. 297.

[3]) Стр. 41—45; см. еще наказъ Шевденицкаго погоста (стр. 75), съ которымъ сходны 14 другихъ наказовъ.

[4]) Passim.

[5]) Стр. 29—40; 342—350. Напр., „въ силу полученнаго Е. И. В. изъ Кольской воеводской канцеляріи указу, по которому *велѣно* объ отягощеніяхъ,

выше стоятъ тѣ великорусскіе погосты, которые обращаются съ своими наказами въ провинціальную канцелярію [1]), еще выше тѣ, которые даютъ свои порученія провинціальному депутату [2]), наконецъ, самые дальновидные обращаютъ свои надежды къ самой императрицѣ и отъ нея ждутъ разсмотрѣнія и резолюціи.

На ряду съ этимъ теченіемъ едва замѣтны наказы избирателей, которые не только упоминаютъ о комиссіи, но и представляютъ именно *ей* свои нужды; при чемъ и въ этихъ наказахъ характеръ прошеній о мѣстныхъ нуждахъ, все-таки сохраняется. Кромѣ приведенныхъ выше наказовъ Мольской (Тотемскаго у.) и Сойгинской (Яренскаго у.) волостей можно отмѣтить еще нѣсколько, очень немного, такихъ наказовъ, которые избиратели предписываютъ отдать уѣздному повѣренному для представленія въ учрежденную въ Москвѣ комиссію [3]).

Итакъ, насколько позволяютъ судить (напечатанные) погостные наказы, законосовѣщательная функція депутатовъ и конечная цѣль комиссіи 1767 г. остались внѣ поля зрѣнія массы сельскихъ избирателей Двинскаго сѣвера. Но произошло это въ значительной степени подъ вліяніемъ объективныхъ условій, въ которыя избиратели были поставлены «Обрядомъ выборовъ». Съ разной степенью пониманія сельскіе обыватели черносошнаго сѣвера *по-своему* чрезвычайно живо откликнулись на призывъ императрицы «писать всякія жалобы». Они, не мудрствуя лукаво, спѣшили воспользоваться рѣдкимъ случаемъ непосредственно обратить вниманіе верховной власти на свои отягощенія и обиды, отъ которыхъ они «пришли въ крайнюю скудость и разореніе». Наказъ былъ инструкціей «мірскому посыльщику»—депутату, «о чемъ надлежитъ просить».

Но этого мало: наказъ былъ сверхъ того еще и самымъ прошеніемъ, которое стремились добросить до подножія трона императрицы. До сихъ поръ, кажется, не было обращено должнаго вниманія на тотъ фактъ, что крестьянскіе погостные наказы не были замѣнены уѣздными, а уѣздные—провинціальными; они были отвезены прямо въ Москву. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы сыграть лишь служебную роль, роль сырого матеріала для своднаго наказа провинціальному депутату, погостные наказы крестьянъ получили гораздо болѣе важное, самостоятельное значеніе. Отчего это произошло? Можно ли успокоиться на предположеніи, что, по мало-

---

нуждахъ и недостаткахъ *въ кольскую воеводскую канцелярію репортовать*, объ чемъ покорнѣйше доносимъ"...

[1]) Стр. 110, 155.

[2]) Стр. 116—119, 193.

[3]) Стр. 18, 21, 121, 125, 248, 290, 298; ср. 16.

культурности выборныхъ отъ крестьянъ, сводныхъ (уѣздныхъ и провинціальныхъ) наказовъ составитъ не съумѣли. Намъ кажется, что такое предположеніе слишкомъ упрощаетъ пониманіе всего дѣла выборовъ на крестьянскомъ сѣверѣ. Кромѣ того, мы знаемъ, что составленіе уѣзднаго наказа, напр., отъ погостныхъ повѣренныхъ обѣихъ половинъ Важскаго уѣзда не повлекло за собою никакого измѣненія въ судьбѣ погостныхъ наказовъ этого уѣзда: наравнѣ съ прочими они были представлены въ Москву. Очевидно, въ глазахъ избирателей никакой сводный наказъ не могъ замѣнить непосредственныхъ, подлинныхъ мірскихъ приговоровъ, такъ какъ въ послѣднихъ находили себѣ выраженіе тѣ мѣстныя нужды, которыя во всей неприкосновенности слѣдовало довести до свѣдѣнія верховной власти. Это вполнѣ гармонировало съ своеобразнымъ взглядомъ крестьянъ на наказы и выборы.

Что же касается комиссіи, то она, или совсѣмъ исчезала отъ взоровъ избирателей, заслоненная воеводскими и провинціальными канцеляріями, или же смутно рисовалась какимъ-то сборнымъ пунктомъ мірскихъ челобитчиковъ, гдѣ должно происходить ихъ непосредственное соприкосновеніе съ верховной властью. Это была своего рода центральная комиссія по разбору прошеній на высочайшее имя, гдѣ нужды каждой мѣстности находили своего спеціальнаго защитника въ лицѣ депутата. Въ одномъ изъ наказовъ точка зрѣнія избирателей нашла свое наивное, но тѣмъ болѣе любопытное выраженіе. «Для того—читаемъ мы здѣсь—предписуемъ все свое состоятельство и изобильство всемѣрно, дабы изъ вышепредписаннаго и *передъ другими* наши нужды и недостатки предвидѣть было можно». [1]) Каждая земская единица и старалась «всемѣрно» обратить вниманіе на свои мѣстныя нужды преимущественно передъ всѣми другими, чтобы не оказаться обойденной и забытой при учиненіи «ко общей мірской пользѣ» милостивѣйшей резолюціи.

Эта точка зрѣнія сельскихъ избирателей вполнѣ объясняетъ намъ весь ходъ выборовъ на крестьянскомъ сѣверѣ. Понятна намъ становится отзывчивость избирателей, это стремленіе ихъ подать тоже и свой голосъ, присодиниться къ общему хору труждающихся и обремененныхъ, заявить о себѣ во что бы то ни стало. Самыя мелкія ячейки—починки, улусцы, два-три половника какого-нибудь деревенскаго владѣльца, даже одиночка-мельникъ Ив. Прозоровскій,—всѣ заботятся о томъ, чтобы составить непремѣнно отдѣльный наказъ, чтобы не оказаться нѣмымъ въ такой важный моментъ. Двинскій сѣверъ охваченъ въ 1767 г. какимъ-то «наказ-

[1]) Стр. 175.

нымъ повѣтріемъ». Кто не успѣлъ или не догадался принять участіе въ изложеніи своихъ нуждъ до уѣздныхъ выборовъ, пишетъ наказъ послѣ; если нельзя выбрать своего отдѣльнаго повѣреннаго, даютъ наказъ чужому повѣренному, или просто своему же сотскому, а то такъ и прямо провинціальному депутату. Но ждутъ отъ всего этого «всемірского» гула «изнеможеній» не новыхъ законовъ, не уложенія, не общей государственной нормы, а сепаратныхъ распоряженій, ждутъ облегченія участи черезъ особливое («передъ другими») вниманіе власти къ ходатайствамъ мірскихъ посыльщиковъ-депутатовъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что если встать на эту точку зрѣнія и посмотрѣть на наказы глазами «мірскихъ людей» тогдашняго сѣвера, то обиліе наказовъ-копій среди погостныхъ «повѣренныхъ писемъ» не представитъ ничего удивительнаго. Списывая чужой наказъ, мірскіе люди какого-нибудь улусца не считали себя узурпаторами мысли: вѣдь для нихъ важно было заявить о своемъ существованіи, о своемъ бѣдственномъ положеніи, а для этого совсѣмъ не требовалось быть оригинальнымъ.
